

Алексей Вальдю

Сказки народа нани

«Жизнь и сказка» — так называется первая книжка Алексея Леонтьевича Вальдю, выпущенная в 1954 году Хабаровским книжным издательством. Слова эти символичны для творчества писателя-ульчи, представителя маленького северного народа, до самой революции не знавшего печатного слова.

А. Л. Вальдю родился в 1915 году в семье амурских рыбаков. Жизнь его, рост как человека и писателя накрепко связаны с удивительной судьбой его народа.

Благодаря Октябрьской революции дети ульчей получили возможность учиться.

А Л Е К С Е Й

В А Л Ъ Д Ю

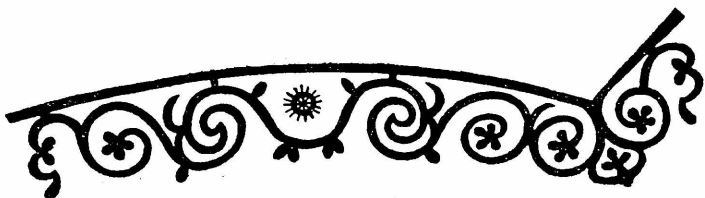
Сказки народа нани

ПО МОТИВАМ
УЛЬЧСКОГО
ФОЛЬКЛОРА

Л Е Н И З Д А Т • 1961

Для среднего школьного возраста

ОТ АВТОРА

Кто из вас, ребята, не восторгался подвигом четырех советских воинов, победивших стихию Тихого океана? Может быть, вы обратили внимание на то, что один из четырех — Иван Федотов — родился и вырос в большом амурском селе Богородское-на-Амуре. Село Богородское является центром Ульчского района. Такое название район получил по имени небольшой народности, которая исстари живет здесь. Эта народность — ульчи, или нáни, что значит житель здешнего места.

Тысячи лет несет Амур свою большую воду к

океану. Живописны берега этой великой реки. С давних пор видели нани, как летом тайга одевается в пышные одежды, как выступают из сиреневой дымки горы, видели они и как идет по тайге нарядная осень, вся в цветных узорах, вышитых руками первой мастерицы — природы...

Горька была жизнь нани — словно дым, наполняющий их фанзочки. Трудно было спорить с высокой амурской волной, когда отправлялись они на своих лодочках-оморóчках за рыбой или зверем — единственными источниками пропитания. Но еще труднее было защищаться от купцов, царских чиновников, шаманов и разных местных князьков, которые безжалостно угнетали ульчей. Кто только не протягивал руки к пушнине и рыбе, а ведь добывали их таким тяжелым трудом!

Полудикие нани не знали грамоты. Много красивых легенд, героических и печальных сказок, добрых и унылых песен сложили они, мечтая о лучшей жизни. Легенды, сказки, рассказы и песни передавались из поколения в поколение, никто их не записывал. Каждое новое поколение вносило в них что-нибудь свое.

Я с малых лет люблю слушать сказки родного народа.

Помню, семилетним, сидя у костра с отцом, неутомимым промысловиком, я услышал легенду о бо-

гатыре, который спас людей от неминуемой гибели. А потом много-много сказок я слышал и в охотничьей палатке — в долгие зимние вечера охотники рассказывали их друг другу, — и под берестяным покровом рыбацкого балагана, когда надоедливый стук дождевых капель вынуждал нас отдыхать.

Нани очень любят сказки и легенды. Стоит собраться им вместе, стоит кому-нибудь начать — и пойдут сказки одна другой интереснее. Много раз я слышал сказку про Мыргына-героя. Он ловкий, он во всех состязаниях первый. Мыргын из лука стреляет так, что, стоя на вершине горы, попадает в глаз птичке, сидящей на вершине другой горы. Ходит Мыргы на лыжах быстрее, чем летит птица. Путешествуя по земле, он убивает колдуна, змея, злого медведя, в которого обратился шаман. Мыргын попадает на небо и в подводный мир. Но всегда он благополучно возвращается на родину, становится вожаком и счастливо доживает свой век, пользуясь почетом и уважением людей. Или взять другого героя — Батура. Это — любимец нани. Справедливый, но беспощадный к врагам, он уничтожает страшных чудовищ, пожирающих людей. Обернувшись то птицей, то мошкой, он летит через леса и горы, плывет по морям и рекам, побеждая зло и принося людям радость.

Нани мечтали о лучшей доле. Но жизнь их была

по-прежнему невыносимо тяжелой. Если бы не Октябрьская социалистическая революция, они бы неминуемо вымерли.

Другая, яркая и счастливая жизнь пришла к ним после победы Великой революции. Сейчас во всех ульчских селах есть школы, медицинские учреждения, клубы. В домах нани горят лампочки Ильича, говорит радио. До Октябрьской революции среди ульчей не было ни одного грамотного человека, теперь почти все ульчи умеют читать и писать. У нас есть свои учителя, врачи, инженеры.

Эти сказки о прошлой жизни моего маленького народа, в них нани выражают свои мечты о лучшей жизни. И вот их мечты сбылись. И не просто теперь сложить сказку о жизни моего народа. Ведь жизнь полнее и ярче любой сказки.

СИРОТА МАНГА И КРАСАВИЦА КЫСИ

то было очень давно. В одном стойбище жил богатый нани. Звали того нани Котка. Были у него старуха жена Аякта и маленькая дочь Кысй. Котка был самым богатым человеком в стойбище. Такого богатого в нанинских стойбищах ищи — не най-

дешь. Было у него три амбара. Один полным-полно набит мясом, юколой, септуло́й.¹ Другой — лисьими и собольими шубами, дорогим шелком, разными вышитыми халатами. Третий — ружьями, охотничьими припасами, снастями, сетями и разным рыболовным и охотничьим имуществом. Чего только не было у этого Котки! Наверное, этот Котка нашел жабу с золотыми рогами, которая приносит счастье. Так многие думали. Взял Котка одного мальчика-сироту к себе. Того сироту Манга звали. Того сироту Котка за человека не считал. Мясо, рыбу ли едят — Манга только кости гложет, Манге только объедки достаются. Спать уложат — у порога травы настелют, старым халатом дают укрываться. Старуха Аякта больше всех мучила сироту, работать заставляла днем и ночью.

Мы всякие сказки слушать любим, — вы это знаете. Вот к Котке по вечерам много гостей приходило. Соберутся они и разные сказки, одна другой страшнее, рассказывают. Манга в своем углу, дрожа от страха, слушает, пока не заснет. А жена Котки — Аякта — нарочно Мангу ночью на речку за водой посылает. Манга спящим притворяется. Тогда старуха встает, берет Мангу за волосы, бьет и тащит из фанзочки.

¹ Ю ко ла — сушеная рыба. Септула́ — каша из толченой жареной рыбы.

Только маленькая Кыси жалела Мангу. Если отец и мать Мангу бить начинали, она куда-нибудь уходила, плакала. Тайком приносила мальчику лепешки.

Вот так сирота и жил. Мало ли, много ли жил — в красивого, сильного юношу вырос. И Кыси красавицей стала. По всему Амуру ищи — не найдешь таких! Парень и девушка друг друга полюбили, мужем и женой стать решили. Пошел Манга к старикам, упал в ноги — Кыси в жены просит. Старик и старуха обругали, прогнали его. Тогда Кыси сказала родителям:

— Со мной что хотите делайте. Я Мангу люблю. Ни за кого больше замуж не пойду. Не отдадите меня за Мангу — в Амуре утоплюсь.

Что делать? Котка и Аякта свою дочь любили: она у них одна была. Но как дочь за бедняка отдать? Стали они думать, как от Манги избавиться. Думали, думали — ничего придумать не смогли. Тогда они самых почетных, самых богатых стариков пригласили. Все вместе стали думать. День думали, ночь думали, не одну трубку выкурили. Вот поднял голову самый большой нанинский шаман.

— Старые люди так рассказывали, — начал он. — Далеко-далеко отсюда, за девятью горами, за сорока ма́рями,¹ есть речка. Та речка не простая

¹ Ма́рь — топкое место в тайге.

речка, человеческой кровью она течет. Там живет хозяин речки — большое чудовище симули. Много человеческих костей вокруг лежит. Ни зверь, ни птица к речке близко подойти не могут: симули их съедает. Белая птица над речкой пролетит — черной делается, черная пролетит — белой делается. Звери и птицы плачут, то место проклинаят. Вот послушай, Котка. Ты скажи Манге, что тогда он Кыси в жены возьмет, когда голову симули принесет.

Обрадовался Котка. Наутро Мангу к себе зовет:

— Ну, моим зятем хочешь стать, мои слова выслушай. Ты видишь, мать Кыси тяжело хворает. Есть где-то за девятью сопками, за сорока мάρями речка. У той речки чудовище симули живет. Убей чудовище и привези его голову. Старуха его мозг съест — сразу поправится. Так сказал наш великий шаман. Сделаешь, что я сказал, — Кыси будет твоей женой. Мое слово твердое.

Что поделаешь? Манга взял нарты, впрягся сам и пошел. Никакого оружия не было у него, топор, нож и немного юколы — вот и всё.

Сколько Манга шел — никто не знает. Снег, буря — Манга всё идет. Обувь изнасилась, одежда порвалась, есть нечего. А Манга всё идет. Ноги отказались⁴ идти — Манга ползком ползет. Целый

день ползет, вечером оглянется, а его утренний костер невдалеке дымится. Так каждый день, так много дней.

Однажды, съев последнюю юколу, Манга уснул. Ночью сон видит. Со стороны, где солнце всходит, прилетел орел, сел на дерево и человеческим голосом говорит:

— Не унывай, сынок, мои слова выслушай. Утром как встанешь, иди прямо. Тебе всякие звери, птицы попадаться будут — питайся их мясом. Много ли, мало пройдешь — увидишь: будет стоять огромное дерево. То дерево колокольчиками звенит в ветреные дни. Около дерева отдохни. От дерева хорошо видна речка. Сразу не подходи к ней. Сначала вырубь шест из березы, заостри оба его конца. Симули увидит тебя и скажет: «А Манга пришел, давно тебя жду!» Тогда попроси его пошире открыть пасть, скажи — прыгну, чтобы проглотил. Симули пасть откроет — ты прыгни и поставь шест. Тогда симули будет в твоих руках.

Манга проснулся. Смотрит — никого нет. Одни только звезды светят да ветер шумит. Подумал-подумал и пошел. Много ли, мало шел — видит: зверей, птиц всяких много. Он их бьет, мясом питается. Потом к большому дереву подошел. То дерево колокольчиками звенит от ветра. А внизу в долине красная речка вьется. Отдохнул Манга

у дерева. Потом из молодой березы шест вырубил и стал спускаться к речке.

Долго ли, мало спускался — страшное чудовище симули увидел.

Говорит чудовище:

— А, Манга пришел, иди, иди — я тебя давно жду, проголодался.

А Манга отвечает:

— Подожди, симули. Дай перед смертью на небо, на горы полюбоваться, успеешь меня съесть! — Посидел Манга, оба конца шеста заострил. — Ну, открой шире пасть, я тебе сразу в пасть прыгну!

Симули раскрыл пасть, а Манга как разбежится, да как прыгнет! И сунул в пасть симули свой шест.

— Вот этого-то мне и надо было, — сказал Манга, дотянулся до сердца симули и вырвал.

Симули стал биться. Горы с долиной сравнял. Потом задохнулся и скатился к речке. Манга отрубил ему голову, положил на нарты и пошел домой.

Идти обратно ему совсем легко. Шел, шел — дошел до мѳлчо.¹ Там нарту с головой симули оставил. Потом в стойбище пошел, стариков позвал. Пришли старики, боятся к нартам подойти, один за другого прячутся.

¹ Мѳлчо (ульчское) — место, где заготавливают дрова.

— Манга великий грех совершил, — говорит шаман Котке, — теперь наше стойбище постигнет беда. Не отдавай за него Кыси.

Манга спрашивает:

— Можем мы с Кыси пожениться?

— Нет, — говорит Котка, — если ты храбрый и хочешь на Кыси жениться, то меня выслушай. Далеко, далеко, куда солнце заходит на ночь спать, есть озеро. В том озере живут семь чудовищ пуймули. Никакой зверь, никакая птица к тому озеру подойти не могут: пуймули их съедают. Если белая птица пролетит над озером — она черной делается, если черная — белой. Звери и птицы плачут, озеро проклинают. Знай, Манга, пуймули твоего отца убили. Если ты храбрый и сильный, убей этих чудовищ, — тогда отдам за тебя Кыси.

Что поделаешь? Манга оморочку сделал, юколы и септулы взял и поехал туда, где солнце садится. Много ли, мало ехал — вся еда кончилась. Одежда износилась, обувь порвалась.

Однажды буря поднялась, оморочку, как щепку, кидает. Долго Манга со штормом боролся. Однако одна волна в щепку разбила оморочку. Но Манга на Амуре родился — плыл, плыл, до песчаного острова доплыл.

Огня нет, еды нет, только один песок — что делать? Манга думал, думал — сам не знает. Вот

ему чудится, — прилетел орел,
рядом сел и говорит:

— Не горюй, Манга. Встанешь — увидишь: около тебя будет стоять лиственница. У корня найдешь свою котомку. Из коры лиственницы себе оморочку сделай. Потом отправляйся прямо в сторону заката, увидишь большой остров. На середине острова будет озеро. Ближе к озеру не подходи — там пуймули живут... Убить пуймули можно так: нарви бересты и бросай в озеро. Пуймули будут бе-

ресту глотать. Береста у них в животе загорится, от этого они будут подыхать. Когда все пуймули подохнут, — поступай, как тебе вздумается.

Манга очнулся. Никого нет. Только высокая-высокая лиственница рядом. У корня котомка лежит. Содрал Манга с дерева кору, сделал себе оморочку, потом в сторону заката поехал. Долго ли, мало ехал — видит: большой остров впереди показался. К тому острову подошел, видит черное-черное озеро.

Манга стал с берез сдирать бересту и бросать в озеро. Целую ночь и целый день носил. Как бросит бересту — пуймули сразу проглатывают. Наконец, Манга видит: пуймули мертвые стали всплывать. Манга их за усы связал в кучу, потом домой поехал. Тихо ли, быстро ехал — в стойбище приехал. Котка и шаман на пуймули поглядели — от страха у них язык отнялся, ум отшибло.

Свадьбу Манги с Кыси всем стойбищем праздновали. Такую свадьбу еще никто не видел. Манга всё богатство Котки между бедными разделил.

С тех пор нани хорошо зажили. А сироту Мангу до сих пор вспоминают.

ТРЕХГЛАВЫЙ ДЯБДА

В одном стойбище нани жили. Дружно жили, друг друга не обижали, мясо, юколу поровну делили. Много ли, мало жили — пришла к ним беда. Появился трехглавый дябда,¹ глаза его как угли горят, из рта огненные искры сыпятся. Летает тот дябда с горы на гору — страшные громы гремят.

¹ Д я б д а́ (ульчское) — большой змей.

Стал дябда таскать сначала собак, потом ребятишек, которые на улице играют. Людям выйти нельзя — дябда унесет, поехать на рыбалку нельзя — дябда убьет, пойти на охоту нельзя — дябда задавит. Совсем жить плохо стало. Как жить, если рыбу не ловишь, если зверей не убиваешь? Думали, думали люди — ничего не могут придумать. Стрелами били в трехглавого дябду — стрелы отлетают, копьями метали в трехглавого дябду — копья ломаются.

Несчастье нависло над нанинским родом.

Жил в этом стойбище парень. Мыргы его имя было. Стариков уважал, ребят не обижал, песни пел — людей тешил. На охоту пойдет — больше всех убьет, на рыбалку поедет — больше всех рыбы поймает. Любил людей Мыргы. Сердце разрывалось у Мыргы, когда видел он, как матери и жены плачут, как у мужчин от горя волосы седеют.

Сказал Мыргы отцу, матери:

— Не могу, ама! Не могу эне! Лучше умереть, чем так жить. Пойду против трехглавого дябды.

Отец Мыргы старый Мурун и мать Мыргы седая На сына сильно любили, но сказали так:

— Иди, сын! Иди!

Стал Мыргы собираться на битву. Старый Мурун дедовский лауча¹ дал ему в руки, чтобы смело

¹ Лауча — длинный узкий нож (маньчжурский).

А. Вальдю

сражался в бою. Старая На седую прядь волос зашила в мешочек, повесила сыну на шею, чтобы не было страха в бою. Люди стойбища принесли по горсти земли, зашили в мешочек, повесили ему за пояс, чтобы помнил свою землю в бою.

Обвязал себя Мыргы в девять слоев старой сетью, взял дедовский лауча и поехал на маленькой берестяной оморочке.

Едет, едет — слышит: плачет ветер старой женщиной.

Едет, едет — видит: деревья, как старики, качают головами.

Звери попрятались, птицы не поют.

Много ли, мало ехал — доехал до синего озера. Знал Мыргы: на берегу озера огромное дерево стоит. Костями устлана земля вокруг этого дерева. На том дереве жил трехглавый дябда...

Подъехал Мыргы к берегу, не вылезает из оморочки. Увидел его дябда, огненные глаза вытаращил, страшным голосом говорит:

— Зачем ты приехал, человеческий сын? Что тебе надо?

Застучало у Мыргы сердце, клок волос старой матери зашелестел на груди, родная земля затрепетала на поясе. Мыргы говорит:

— К тебе приехал я, проклятый дябда, нашей земли мучитель, с тобой биться!

Полетели из глаз трехглавого дябды молнии, громы загревели из горла. Налетел трехглавый дябда на Мыргы, ударил его в грудь — не пробил девять слоев старой сети. Только на четверть озера оморочку с Мыргы отбросил. Размахнулся Мыргы дедовским лауча, одну голову чудовищу отсек.

Дябда в другой раз кинулся на Мыргы. Три слоя старой сети пробил дябда, на середину озера оморочку с Мыргы отбросил. Размахнулся Мыргы дедовским лауча, вторую голову отсек. Заревел дябда и в третий раз кинулся на Мыргы. Изловчился Мыргы — последнюю голову отсек. Подхватило синее озеро голову и тушу дябды, унесло синее озеро проклятого дябду на глубокое дно.

Едет, едет Мыргы домой — слышит: поет ветер молодой девушкой.

Едет, едет Мыргы домой — видит: молодыми парнями раскачиваются деревья.

Едет, едет Мыргы домой — видит: звери из нор вышли, кувыркаются, радуются его победе.

Едет, едет Мыргы домой — видит: птички с дерева на дерево перелетают, песни распевают, его восхваляют, а листья колокольчиками звенят.

Что ж, не грешно героев восхвалять!

ДЕЛОБУ

ил один нани Улын. Бедный человек был: ни жены, ни хозяйства не имел. Никто по имени его не называл, а все звали «делобу́», а это значит врун, хвастун.

А называли его так вот почему. Однажды он

рассказывал, как охотился на медведя. Все его слушали. Но один парень-насмешник слушал, слушал и громко засмеялся:

— Делобу, делобу! Не верьте ему!

Делобу не обиделся, но рассказывать дальше не стал. Он охотно захаживал к людям в гости, не сердился, когда на него ворчали. Любил детей.купаются ребятишки в Амуре — он там. Играет с ними, шутит. А то собирает их и рассказывает сказки. Те только рты разинут и слушают. Сильно его ребятишки любили.

Но пришла беда. Появился в стойбище амбá.¹ Ни на охоту пойти, ни на рыбалку поехать. Появятся ребятишки на улице — амбá их утащит. Совсем тяжелая жизнь пришла. Люди табак и пищу бросали на след амбы, собаку убили, ее кровью деревянную фигуру амбы мазали — не помогает. Шаманы по ночам в бубен били, своих богов звали — не помогает. Тогда сáгдимди² всех людей стойбища собрал в свой дом.

— Грех с амбой в ссору вступать, — сказал он, — но мы его просили уйти от нас, собаку для него убили — амба не уходит. Значит, у нас с ним возник спор. А спор можно решить только битвой. Пусть битва решит, кто прав.

¹ Амбá — черт, ульчи часто называют так и тигра.

² Сáгдимди — старший в роде, старший на охоте.

Стало тихо. Люди даже шевелиться боялись. Все хорошо знали условия битвы, всем жить хотелось. Даже тот парень, который над Делобу смеялся, считавшийся самым храбрым в стойбище, даже он молчал.

— Ну, что думают молодые? — спросил сагдимди.

И вдруг все услышали, как Делобу сказал тихо:

— Я пойду, сагдимди!

Встал Делобу, чуть голову наклонил в знак уважения:

— У меня никого нет, некому будет меня оплакивать, если мне худо придется!

Наутро Делобу пошел искать амбу. Никакого оружия с собой не взял. Только один нож взял — таков обычай.

День за днем проходит. Делобу назад не идет, и про амбу не слышно.

Люди взяли оружие и пошли искать Делобу. Долго ли, мало шли — видят: вот место, где встретились амба с Делобу. Снег растоптан, кустарники помяты. Великая битва была, амба отошел. На его следах кровь. Делобу пошел за ним. На следующей горе опять следы битвы. Опять амба отошел, кровь теряет, ползет. Опять по его следам Делобу пошел, и на третьей горе — следы большой битвы. Сделал амба два-три прыжка в сторону и упал замертво.

Делобу тоже отошел, добрался до ключа, напился воды, набрал сушняку, вытащил кресало-ремень, хотел костер разжечь, да тут силы его оставили, так и замерз он.

Амбу похоронили люди на месте последней битвы, а Делобу — на высокой горе около стойбища, чтобы всем видно было.

Ошибались люди, когда смеялись над ним.

Ошибался Делобу, что некому его оплакивать.

Всем стойбищем оплакивали его люди и с тех пор не забывают.

ЧОЛО ПАСИ

одился у одного нани сын. Назвали его Чолó. Мальчик рос не по годам, а по дням. Рос ловким, сильным. Прямо все удивлялись. Исполнилось Чоло десять лет — стал лучше взрослых охотников зверя добывать, лучше опытных рыбаков рыбу ловить.

Соберутся в медвежий праздник нани в разные игры играть — Чоло от всех отличается. Начнут прыгать — Чоло дальше и выше всех прыгнет, начнут бороться — Чоло всех переборет.

Слава о нем далеко по нанинским стойбищам пошла. Хвалили его дети, хвалили старики, хвалили все. От такой хвалы у Чоло голова закружилась. Вот он и стал думать, что он лучше всех. Стал на людей смотреть, как амба-тигр на зайцев смотрит.

Попросят люди рассказать, как лучше зверя бить, — Чоло отвернется. Попросят совета, как лучше рыбу ловить, — Чоло плюнет. Люди вскоре поняли, что они ошиблись, хваля Чоло, но было поздно: он так загордился, что даже со стариками не стал считаться. Думали, думали нани, как Чоло исправить, — придумали. Решили его женить. За такого ловкого, сильного парня, думали нани, любая девушка пойдет. Вот сосватали они ему девушку, — Чоло от нее отвернулся:

— Зачем вы мне такую в жены предлагаете? Она маленькая ростом, некрасивая. Разве такая мне нужна жена?

Сосватали другую, — Чоло даже не взглянул на нее:

— Зачем вы мне такую бедную в жены предлагаете? Разве такая мне нужна жена?

Сосватали третью, — Чоло плюнул:

— Зачем вы мне в жены такую высокую ростом предлагаете? Разве такая мне нужна жена?

Видят люди — с женитьбой у Чоло ничего не выходит, бросили это дело. Чоло еще больше возгордился. Он стал думать, что весь нанинский род на нем держится.

Сделает ему замечание старик — он его обругает, скажет что-нибудь молодой — он его прибьет, попросит что-нибудь маленький — он его пугнет.

Думали, думали нани, как быть, и решили собраться все вместе, поговорить с ним.

Вот собрались в большую фанзу, стариков на почетное место посадили. Позвали Чоло. Пришел он гордый, глаза его на людей так презрительно смотрят, точно молнии сверкают.

— Уйду от вас, — говорит, людей не выслушав, — не могу одним воздухом дышать с вами.

И ушел. Такой обиды и старики-то никогда не помнили. Куда ушел Чоло — никто не знал, да и знать никто не хотел: так обидел Чоло своих сородичей.

День сменяется ночью, зима — летом, — живут нани, тяжело живут. Много ли, мало жили — пришла весна, заиграло солнце. Люди стали рыбу ловить вместе, много наловили, охотиться вместе пошли, много сохатых добыли. На лицах женщин улыбки появились.

Вдруг является к ним Чоло, оборванный, старик, совсем на себя не похожий.

Низко поклонился людям и стал прощения просить. Люди-то помнили обиду, но видят: человек старый, без семьи, без друзей, точно одинокая засохшая травинка в поле. Смягчились у людей сердца. Накормили, напоили — что им стоило! И сказали они Чоло:

— Большую обиду нанес ты нам. Мы этого не забываем. Хочешь еще раз уйти от нас — уйди, всё на дорогу тебе дадим, хочешь остаться с нами — оставайся, только будешь делать всё, что мы делаем.

Чоло еще раз низко поклонился людям: он просил людей принять его.

Правду говорят: всегда держись людей. Какой бы сильный ты ни был, оторвался от людей — пропал. Такой человек всё равно, что отколовшийся от скалы камень. Ведь камень тоже так: пока он держится родной скалы, он крепок, оторвался — и любой его сможет скинуть в воду.

АНМАНГА

стретились в тайге два охотника: один высокий, другой низкий. Высокого Элдэнгá звать, низкого — Анмангá. Встретились, покурили, про погоду поговорили. Потом про охоту говорить стали. Элдэнга молчаливый, Анманга разговорчивый.

— Вот на этом месте, — говорит Анманга, — я в прошлом году пятнадцать сохатых за один день убил.

— Пятнадцать? Наверное, очень интересная была охота?

— Как не интересная?! Увидел издалека — табун пасется. Подкрадываюсь. Смотрю: вожак головой мотает, наверно, меня почуял. Нет, думаю, так не пойдет. Заметил, где они пасутся, зарылся в снег. Зарылся и, как рыба в воде, под снегом ползу. Ползу и думаю: «Вожак, наверное, туда, где я зарылся, смотрит; подожди, тебя-то первым я прикончу». Вылезаю из-под снега. Как ты думаешь? Прямо среди сохатых вылез. Зачем пули тратить? Ударил палкой по рогам вожака — он и растянулся на снегу. Остальные бежать. Эх, думаю, упускаю остальных. Бросил ружье, выхватил нож и побежал за ними. Я ведь очень быстро бегаю. Догоняю одного — нож в горло, догоняю другого — опять нож

в горло, догоняю третьего — опять. Так всех пятнадцать зарезал. Потом всех в кучу за рога перета-скал. Ох и работы своим товарищам доставил!

Элдэнга молча слушал товарища. Так дошли они до вершины большой горы. На горе несколько сухих лиственниц стояло, а внизу, в ложине, густой ель-ник тянулся.

— Три года назад, — начал Элдэнга, — на этой горе наши охотники следы амбы-тигра видели. Табак, кашу, юколу сюда приносили, чтобы на следы амбы-тигра бросать. Старики так говорят: «Следы амбы увидел, кашу, табак, юколу на них бросай: амба-тигр быстрее уйдет, людей трогать не будет».

— А, — вспомнил Анманга, — наверное, ваши охотники следы того тигра видели, которого я убил.

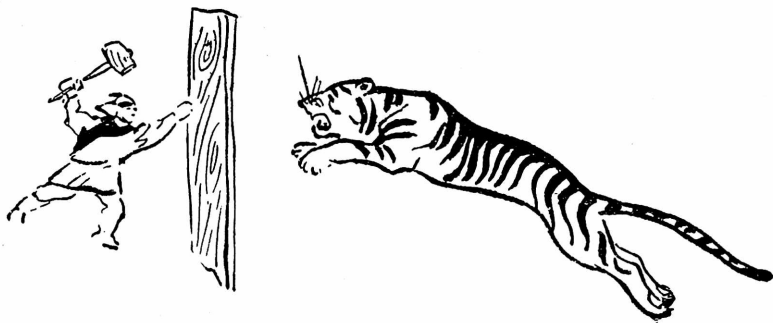
— Ты убил? Наверно, это интересно было.

— Как не интересно, — отвечает Анманга. — Мы тогда вон там, под той горой жили. В один ве-чер мои товарищи приходят в палатку, все блед-ные, испуганные.

«Что вы такие испуганные?» — спрашиваю. Го-ворят: «Амбу-тигра увидели». Говорят: «Нам плохо будет, скорей, однако, уходить надо». — «Зачем, говорю, уходить, надо, говорю, амбу-тигра убить». Взял топор, нож и вечером большую доску сделал, деревянный молоток из лиственницы сделал. Всю ночь думал, как амбу-тигра убить. Утром встал,

пошел искать амбу-тигра. Ружье не взял, только нож, доску и молоток взял. Ну, думаю, недалеко, наверное, спрятался, меня караулит. Тихонько иду, по сторонам смотрю. Вот где спрятался. Сидит амба-тигр под валежником, на меня зелеными глазами смотрит. Думаю, взять бы тебя за задние ноги да стукнуть головой о ствол. Но не подступишься к нему: кусаться будет.

Как же его оттуда выжить? Думал, думал — придумал. Накатал в комочек снег да как брошу ему между глаз. Эх, как прыгнет мой амба-тигр — да на меня. Я загородился доской. Мне только это надо было. Я быстрее его когти молотком загнул. Теперь попробуй от доски отцепись. С такой доской-то не сильно прыгать будешь. Сделал дело, сел покурил. Смотрю: амба-тигр вытащить свои когти хочет. Да разве вытащишь, если это я забил.

Покурил, посмотрел, как амба-тигр мучается, а потом к нему подошел, ударил молотком по голове, убил. Мои товарищи до сих пор удивляются, как я легко с ним справился.

— Да... интересно, — сказал Элдэнга, когда охотники начали спускаться с горы. — Вот тот ельник внизу, говорят старики, нехорошее место. В этом ельнике, говорят, живет пудя-амба. Собака у него летающая есть. Завидит человека, начинает лаять. Как услышал лай, рассказывают старики, надо быстрее к тоненькому деревцу подбежать, отломить это дерево, примерно в свой рост, и спрятаться за ним. За большим деревом, говорят, нельзя прятаться: пудя-амба сразу найдет. Услышав лай своей собаки, пудя-амба выходит из толстого дерева. Когда пудя-амба выходит, дерево ломается и такой громкий стук раздается — оглохнешь. Пудя-амба убивает человека и ест его язык. Особенно, рассказывают старики, пудя-амба любит язык того человека, который всегда неправду любит говорить. Если спрятался за тоненьким деревом, — пудя-амба не видит тебя. Тогда он начинает бить свою собаку.

Вот охотники к ельнику подходят. Анманга всё время впереди шел, сейчас позади оказался.

— Иди, — говорит, — ты, Элдэнга, вперед, ты дорогу знаешь.

Зашли в ельник. Темновато. Солнца не видать. Анманга идет, идет, по сторонам оглядывается.

Вдруг над охотниками летяга пролетела. Анманга как крикнет — да бежать. Элдэнга удивляется: что с Анмангой такое. Пошел по следам Анманги. Видит: сидит Анманга около тоненькой осины, лицо закрыл, дрожит.

Подошел Элдэнга к Анманге, за плечи тронул. Анманга как вскочит — да бежать! Еще тот его удержал.

— А где собака пудя-амбы? — спрашивает Анманга.

— Какая это собака, это летяга пролетела, — успокаивает Элдэнга.

— Ох, испугался. Я думал, пудя-амба на нас напал.

— Эх ты, Анманга! Я думал, ты действительно храбрый, а ты, оказывается, только языком сильный человек.

Дальше сколько ни шли, Анманга больше ничего не рассказывал.

КАК ШАМАН АРГА СУЛИ ОПОЗОРИЛСЯ

то было у озера Кади. Однажды охотник Моми Котка долго задержался в тайге, товарищи беспокоиться стали. Поздно вечером приходит бледный, руки трясутся, глаза испуганные. Слова сказать не может.

— Что с тобой? — спрашивают.

Он молчит. Кое-как допытались.

— Беда, — говорит, — ходил сегодня и увидел какие-то непонятные следы. Никогда таких не видал. Как будто кто-то бревно по снегу тащил, но человеческих следов нет.

Охотники удивляются: в самом деле, кто мог по тайге бревно тащить?

Был среди охотников шаман Арга Сули, он и говорит:

— Это хозяин тайги. Он в змея превратился, по снегу шел, он просит нас, чтобы ушли. Это, наверное, его место.

Начал Арга уговаривать быстрее отсюда уходить. А место хорошее было, зверя много, уходить промысловикам неохота. Кое-кто из охотников испугался, стал соглашаться с шаманом. А один смелый парень Ларги говорит:

— Зачем такое место бросать? Надо пойти посмотреть следы, увидеть этого «хозяина».

Шаман совсем рассердился, говорит:

— Ты с ума сошел, несчастья нашему стойбищу хочешь?

Кое-как дождались утра. Некоторые совсем не спали. Но утром все-таки решили посмотреть следы «хозяина». Идут, а шаман Арга так и стреляет в того парня глазами, ругается — страшно слушать.

Котка Моми путь указывает.
Бойтся, а всё же ведет. Прошли
так километра четыре.

— Вот, — говорит Котка, —
смотрите!

Смотрят охотники, удивля-
ются: следы незнакомые, буд-
то кто бревно по снегу тащил.

Увидел молодой охотник сле-
ды, не испугался. Идет по следу,
а за ним остальные охотники, а
сзади всех — шаман Арга Сули.
Идут охотники, идут несмело.
Боятся, но друг другу не гово-
рят, немного от моло-
дого охотника отста-
вать стали.

— Что же, хотите,
чтобы я один шел? —
кричит молодой охот-
ник.

— Иди, иди,
мы не хотим, что-
бы он нас со-
жрал! — кричит
шаман.

— Трусые вы, а ты, Арга Сули, самый большой трус.

Так, ругаясь, идут охотники. Вдруг впереди что-то черное мелькнуло и скрылось за деревьями. Молодой охотник поднял ружье. А шаман как закричит:

— Не смей! Всех нас погубишь!

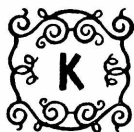
Но разве охотника остановишь, когда добычу увидел? Впереди опять черный комок показался. Видят: какой-то зверек. Молодой охотник выстрелил. Зверь остался лежать на снегу. Парень подходит. Так вот кто этот «хозяин тайги»! Оказывается, это россомаха. Она попала в капкан, перегрызла палочку, за которую он был привязан, и давай гулять с капканом по тайге. Она, наверное, не раз переходила горные речки, к палочкам стал прилипать снег, образовался комок. Россомаха волочила его за собой — получился след. Парень крикнул товарищей. Подходят несмело. Сзади всех Арга Сули. Охотник поднял россомаху и бросил к ногам шамана:

— На́, возьми своего «хозяина тайги».

ЧОО — ШАМАН ОДНОГЛАЗЫЙ

Когда это было — никто не помнит. У одного старика было два сына. Однажды старший сын поехал через Амур проверять снасти. Вдруг буря поднялась, молнии засверкали, загредел гром. Старик вышел на берег смотреть, не едет ли обратно сын.

А старик без рубашки был. Молния ударила в него. Старик погрузился в землю по пояс, весь почернел, умер.

Старший его сын до вечера не вернулся. Тогда младший взял копье и поехал его искать. Доехал до места, где снасть стоит, — брата нет. Вниз по течению поехал — брата убитого нашел.

Думал, думал — кто в смерти брата виноват. Брата на лодку положил, поехал туда, где снасть стоит. Лодку к берегу подтянул, перевернул, брата под лодкой спрятал. Сам в кустах с копьем засел. Всю ночь тихо просидел, не курил, врага сторожил...

Как только светать стало — ударила в берег волна, лодку не достала, ударила другая — тоже не достала, ударила третья — лодку достала. Тут из воды большой медведь вышел, к лодке подошел, хотел ее перевернуть. Ударил парень копьем медведя. Застонал медведь, стал пятиться к воде. Медведь к воде тянет, парень на берег его тащит. Ручка у копья переломилась.

— Подожди, парень, я тебе отомщу! — проговорил медведь человеческим голосом и ушел в воду.

Парень брата домой привез, вместе с отцом похоронил. У стариков стал совета просить: что теперь делать?

Старики говорят:

— Наверное, брата и отца у тебя убил злой Чоо — шаман одноглазый. Он живет далеко отсюда. Он людей убивает. Он молнией и громом владеет. Все нани его боятся. Убить его надо, но у нани нет такого богатыря, который мог бы его одолеть.

Тут парень сказал, что сам готов умереть, но будет за брата и отца мстить.

Старики говорят:

— Его кровь увидишь на Коми-горе и на Чиул-горе, а там и самого найдешь.

Парень пошел на Коми-гору — следы крови увидел, пошел на Чиул-гору — следы крови увидел. Потом дальше пошел. Шел, шел — много дней шел, видит: стойбище. В том стойбище люди копыя, стрелы куют. Люди куют, а сами между собой тихонько говорят: «Хоть бы подход этот проклятый Чоо, житья от него нет».

«И здесь тебя не любят, проклятый Чоо», — подумал парень и себя по затылку ударил — в муху превратился. В самый большой дом влетел. Видит: сидит на нарах Чоо — шаман одноглазый, из его груди копьё торчит, шаман громко стонет. Увидел он муху, как закричит:

— Мой враг, тот парень, здесь, ловите его, убейте его!

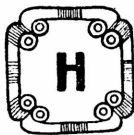
Забегали люди' по стойбищу, кричат, как будто парня ищут. А парень подлетел к шаману, вонзил копьё глубже, убил проклятого, потом копьё вытащил и благополучно домой приехал.

Нани до сих пор того парня вспоминают, а именем одноглазого Чоо детишек пугают.

ВОРОНА И ХОРЬ

а одной рёлке¹ стояло дерево. На том дереве ворона свила гнездо. Под деревом хорь выкопал себе нору. Живут ворона с хорем по соседству, горя не знают, новостями друг с другом делятся. Вот

¹ Рёлка — небольшая возвышенность в поймах Амура.

однажды на Амуре вода прибывать стала, рёлку затопляет.

— Возьми меня с детками к себе в гнездо, век буду благодарен, — просит хорь ворону.

— Ка-ак возьми? Не выдумывай, не хватало еще вашего духу в моем гнезде.

— Выручай, соседка, когда-нибудь я тебя выручу.

— Ка-ак? Больно ты мне нужен со своими вонючими хорятами. Терпи, сосед, видишь — вон там высокий пенёк. Забирайтесь на него, авось наводнение переждете.

Ничего не поделаешь, видимо, не сердце в груди у вороны, а камень. Забрался хорь со своими детками на пенёк, кое-как пристроился. Живут, мучаются. А ворона посмеивается над хорем:

— Ка-ак, сосед, живешь? Не мочит вода?

Наконец Амур стал убывать. Хорь наладил себе нору, зайцев, мышей наловил. Во-

рона тоже рыбок ловит, разную пададь приносит к себе в гнездо. Живут в соседстве ворона и хорь, горя не знают, новостями друг с другом делятся. Однажды поднялся страшный ураган, полил проливной дождь. Воронье гнездо снесло, воронята на землю вывалились, мокнут, жалобно каркают.

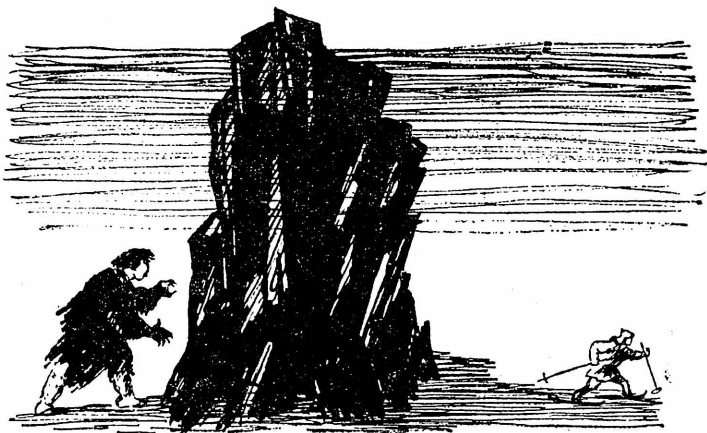
— Ка-ак мне быть? Возьми меня, сосед, к себе в нору, век тебе буду благодарна, — просит ворона хоря.

— Вот выдумала, — отвечает хорь, — не хватало еще вашего вороньего духу в моей норе. Видишь — вон там высокий пенек стоит. Спрячьтесь под ним, авось бурю переждете.

Делать нечего — собрала воронят ворона под пенек, укрыла их крыльями и стала пережидать погоду. Сколько мук натерпелась ворона — она одна знает.

Не зря люди говорят: выручай соседа в беде — тебя он выручит.

МЛАДШАЯ СЕСТРА

или-были семь сестер. Все молодые, все красивые, все работающие. Но младшая сестра была всех красивее, всех умнее. За это старшие сестры не любили ее. Живут сестры, горя не знают. На рыбалку поедут — рыбу хорошо ловят, на охоту пойдут — зверей много бьют. Так и жили.

Однажды старшие сестры услышали: где-то великан — кальдяму — появился, людей съедает. Услышали старшие сестры, испугались. Стали думать, как от кальдяму убежать. Думали, думали и решили: встать утром рано, оставить младшую сестру и убежать незаметно, — пусть младшую сестру съест кальдяму. Так и сделали.

А младшая сестра всё это узнала. Слышала она, как старшие сестры ушли. Утром девушка тихонько встала, оделась, за пазуху гребень спрятала, еще камень, которым ножи точат, спрятала. Потом надела лыжи и тоже побежала за сестрами. Скоро сестер догнала. Догнав их, спрашивает:

— Куда, сестрицы, торопитесь? Почему меня одну оставили?

Старшим стыдно стало сознаться, не знают, как ответить. Потом самая старшая говорит:

— Мы хотели, чтобы ты отдохнула. Поэтому не разбудили.

Вот они идут все вместе. Шли, шли — настал полдень. Стал их догонять великан кальдяму, ростом, как высокая скала, глаза, как молнии, дышит, как гром гремит.

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись! — страшным голосом пропел кальдяму.

У старшей сестры порвались крепления. Кальдяму догнал ее, проглотил, только кости выплюнул.

Сестры бегут. Кальдямю опять их догоняет:

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись!

У второй сестры порвались крепления. Кальдямю догнал ее, проглотил, только кости выплюнул.

Сестры бегут. Кальдямю опять их догоняет:

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись!

У третьей сестры порвались крепления. Кальдямю догнал ее, проглотил, только кости выплюнул.

Наконец осталась только младшая сестра. Кальдямю вот-вот догонит ее.

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись! — кричит кальдямю.

Но у младшей сестры крепления прочные, не рвутся.

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись! — пуш, прежнего кричит кальдямю.

Девушка вытащила из-за пазухи гребень, бросила:

— Обрасти, мой гребень, непроходимой тайгой. Сзади непроходимая тайга выросла.

Кальдямю ломал деревья, громы-молнии метал. Пока ломал деревья — три дня прошло. На пятый день кальдямю опять догоняет ее.

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись! — охрипшим голосом кричит кальдямю.

Но у девушки крепления прочные, не рвутся.

— Раз, два, три — крепления лыжные, порвись! — совсем хриплым голосом воет кальдямю.

Девушка вытащила из-за пазухи камень, бросила:

— Вырасти, мой камень, в скалу от земли до неба.

Сзади нее выросла скала от земли до неба. Кальдямю разозлился, стал грызть зубами скалу. Грыз, грыз, до того грыз, что скала обвалилась и придавила насмерть кальдямю.

С тех пор больше никто не видел кальдямю. А девушка попала в хорошее стойбище, вышла за смелого человека замуж. От них, говорят, происходит наш род.

КАК МАНГА ПРОУЧИЛ СВОЕГО БРАТА ХУСЫГДИ

или-были два брата. Одного звали Мангá, другого — Хусыгд́и. Манга был работающим человеком. Хусыгди — лодырь, какого свет еще не видел. Манга зверя убивал, рыбу ловил — хорошо жил. Хусыгди дома

всё сидел, ну как есть ничего не делал, только на кункай¹ играл, в потолок плевал.

Однажды на рыбалку они поехали. Манга рыбу ловит, Хусыгди в балагане сидит, мух и комаров ловит, в костер плюет.

— Хусыгди, иди хоть умойся, — просит Манга.

— Воды нет.

— Сходи за водой.

— Я в речке утону.

— А ты за палочку держись, — советует Манга.

— А я палец уколою.

— А ты рукавицы надень.

— А у меня рукавиц нет.

— А ты шей себе рукавицы.

— А у меня иголки нет.

Манга рассердился и не стал больше разговаривать.

Вот однажды на охоту пошли. Манга зверя убивает, кушать готовит. Хусыгди сидит в балагане, на кункай играет.

— Хусыгди, костер разведи, — просит Манга.

— Дров нет, — отвечает Хусыгди.

— Сходи за дровами.

— Топора нет.

— А ты сушняку собери.

¹ К у н к а й — ульчский деревянный (или из желтой меди) музыкальный инструмент.

- А я палец уколою.
- А ты рукавицы надень.
- Рукавиц нет.
- Надень мои.
- Они не лезут.

Манга плюнул, сам костер развел.

В один холодный день Манга-потеплее оделся и кое-как уговорил Хусыгди пойти с ним. Хусыгди поленился потеплее одеться, пошел в одной рубашке. Мороз пробирает. Хусыгди совсем замерз, но развести костер ленится.

- Манга, костер разведи, — просит он.
- Дров нет, — отвечает Манга.
- Сходи за дровами.
- Топора нет.
- А ты сушняку собери.
- А я палец уколою.
- А ты рукавицы надень.
- А у меня рукавиц нету.
- А ты мои рукавицы надень.
- А они мне не в пору.

Терпит, терпит Хусыгди, весь трясется от холода, зуб на зуб не попадает. А Манга тепло одет, сидит себе, покуривает и посмеивается. Делать нечего — пошел Хусыгди за дровами, развел костер. Грелся, грелся — есть захотел. Кое-как уговорил Манга в балаган идти. Пока шли, Манга из-за па-

зухи юколу вытаскивает и незаметно ест. Пришли в балаган. Хусыгди ждет, когда Манга сварит, а Манга сытый. Он только трубку покуривает да усмехается. Наконец у Хусыгди терпение лопнуло.

— Манга, поешь сvari, — просит он.

— Воды нет, — отвечает Манга.

— Сходи за водой.

— А я в речке утону.

— А ты за палочку держись.

— А я палец уколою.

— А ты рукавицы надень.

— А рукавиц у меня нет.

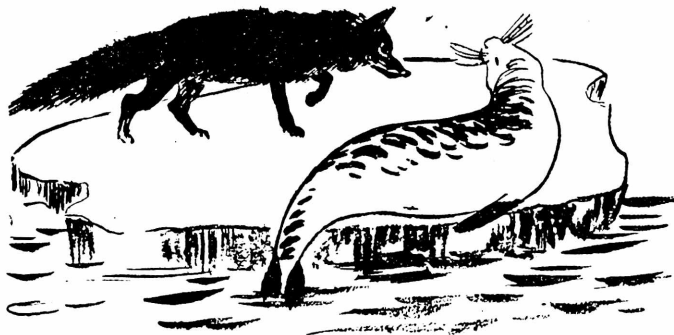
— А ты сшей себе рукавицы.

— А у меня иголки нет.

Делать нечего, взял Хусыгди чуман, сходил за водой и сварил обед.

С тех пор Хусыгди лениться перестал. Хоть и любил на кункаи играть, но работал наравне с братом.

ДОГАДЛИВАЯ ЛИСИЦА

Лиса на берегу моря бродила, съестное что-нибудь найти хотела. На льдинку она попала, дохлую камбалу нашла. Пока камбалу ела, льдинку в море унесло. Плывет лиса по морю, плачет горькими слезами. Потом ту льдинку к острову прибило. Лиса

скок — и на берег прыгнула. Что делать? Надо назад перебираться. День бродит она по берегу, два бродит — нерпу встретила.

— Здравствуй, лиса. Что ты здесь делаешь? — спрашивает нерпа.

— Здравствуй, нерпа, — лиса отвечает, — я слышала, в море много нерп. Враки всё. На море, оказывается, ты одна, нерпа.

Та нерпа отвечает:

— Больше нас на свете никого нет.

Лиса говорит:

— Не хвастайся, нерпа. Нас, лисиц-то, больше, чем вас, нерп.

Нерпа спорит:

— Ты, лиса, не знаешь, как нас много.

— Давай, нерпа, поспорим, кого больше: вас, нерп, или нас, лисиц.

— Давай поспорим, — соглашается нерпа.

Тогда хитрая лиса говорит:

— Ну, иди своих зови, я пойду — своих позову.

Нерпа в море нырнула своих звать, а лиса в кусты побежала, спряталась, оттуда на море смотрит, нерп ждет. Ждала, ждала — видит: много нерп всплыло, всё море они заполнили. Нерпа кричит:

— Иди, лиса, сосчитай, сколько нас.

Лиса к берегу подходит, говорит:

— Э-э-э, вас совсем мало, оказывается.

— Ну, считай, — та нерпа отвечает.

Лиса говорит:

— Как я вас сосчитаю? Вот если вы одна к другой прижметесь, тогда я вас сосчитаю.

Нерпы одна к другой прижались, до другого берега достали.

— Ну, давайте я буду вас считать, — говорит лиса. Лиса скок — прыгнула на спину одной нерпы, скок — на спину другой, скок — на спину третьей. — Одна, две, три. Одна, две, три, — считает лиса.

Так, считая, лиса до другого берега по нерпам допрыгала. Выпрыгнув на берег, лиса говорит:

— Э-э, а вас мало, нерпа.

Нерпа говорит:

— Давай вас, лиса, будем считать.

— Подождите, — говорит лиса, — пойду своих позову.

Потом, радуясь, что ловко нерп обманула, в лес побежала.

С тех пор нерпы всегда к берегу подплывают, лису ожидают, а лиса из-за кустов посматривает, смеется над их глупостью.

РОСОМАХА-ВОРОВКА

авно знаем такое дело, что зверь человека боится. Но есть звери, которые людям пакостят. Кто из вас любит росомаху? Никто. И шкура недорогая, и мясо плохое, и от зверя этого вред один. Была на свете такая хитрая воровка-росомаха. Повадилась

она воровать рыбу у охотника. Уйдет охотник на охоту — росомаха все его вещи разбрасывает, рыбу утащит. Охотник и капканы ставил на нее, собаку науськивал — всё напрасно. Ворует росомаха да еще хвастается:

— Вот увидите, охотника без рыбы оставлю!

— Перестань, соседка, — говорит ей медведь, — попадешься. Плохо будет...

Но росомаха еще пуще расхвасталась:

— Кто меня поймает? Я и тигра, и волка, и тебя, медведь, обманывала. Вот увидишь, последнюю его рыбу утащу.

Видит охотник — дело плохо: последнюю рыбу росомаха утащит, кушать нечего будет. Задумался охотник: «Ну подожди, я тебя проучу».

Собрал всю рыбу в мешок, повесил мешок на перекладину балагана, а одну рыбину разрубил на куски. В каждый кусок спрятал по крючку на длинной проволоке. Куски разбросал где попало, — пусть росомаха подумает, что охотник их выбросил. Сам ушел на охоту. Вот приходит росомаха.

— Ага, рыбу в мешок спрятал! Ладно, я до нее доберусь. А сейчас куски съем: зачем добру пропадать?

Проглотила кусок, — попалась воровка. И так и этак — нет, не уйти росомахе.

— Помоги, сосед, выручи из беды, век буду благодарна, — просит она медведя.

— Нет, соседка, боюсь. Узнает охотник, что я тебя выручил, беда будет. Мне своя шкура дорога.

И ушел. Вернулся охотник, видит — росомаха.

— Что, попалась? Не зря говорят: как ни воруй, всё равно попадешься.

И расправился с росомахой.

КАК НАНИ СЧАСТЬЕ НАШЛИ

авным-давно нани жили. Рыбы и зверя кругом много было. Захотел нани рыбы — пошел на берег и прямо из воды ее руками ловит. Захотел мяса — в лес пошел, убил зверя. Рыба есть, мясо есть, — чего еще надо? В тот год Мангу-Амур сильно доб-

рый был: всегда давал рыбу. И Пудя — хозяин тайги — был добрый. Надо нани мясо — пошлет сохатого, пошлет оленя, только бей! Надо нани пушнину — дает соболя, дает лисицу, только выбирай! Много ли, мало так было — не знаю: это только в сказке так говорится.

Но вот плохая жизнь к нани пришла. Мангу всю рыбу спрятал. День лови, два лови, месяц лови — не поймашь! Пудя всех зверей спрятал. День ходи, два ходи, месяц ходи — не убьешь!

Куда спрятали Мангу и Пудя всех зверей и всю рыбу — никто не знает. У нани хитрые люди появились, жадные люди. Стали они друг друга обманывать, один другого обижать. Жадные люди сильно богатые стали, а другие совсем бедные. У богатых амбары трещат от разного добра, бедные с голоду помирать стали.

Бедным совсем плохо было, когда к нани маньчжу-купцы приехали. У маньчжу-купцов свои работники есть, разные товары есть. Они свои товары у нани на пушнину стали менять. Маленькое зеркальце дает — себе соболя берет. Горошину дает — лисицу берет, пуговку дает — выдру берёт. Нани тогда темные были, они обмана не понимали, а нанинские богачи скоро язык маньчжу понимать стали, бедных еще больше обижать научились. Бедным совсем стало плохо. От голода и разных

болезней умирать стали. Халаты и унты из рыбьей кожи варить стали, чтобы с голоду не умереть. Собаки воют, детишки плачут, есть просят. Мужчины на охоту пойдут — зверя нет, рыбу ловить поедут — рыбы нет. Что делать?

Нани стали Мангу-Амур просить. Осенью, когда он замерзнет, — просили, весной, когда лед растает, — просили. Последнюю пищу ему давали — Мангу-Амур рыбу не дает. Пудю тоже просили: табак, пищу бросали — Пудя зверя не дает. Наверное, сильно рассердились.

Тогда самые сильные, самые ловкие нани пошли искать, где Мангу и Пудя рыбу и зверя спрятали. Рыбу и зверя не нашли и сами домой не вернулись, погибли.

Тогда нани к белому луча-царю¹ обратились. Тот рассердился, нахмурил брови, отвернулся и плюнул.

Что делать? Как жить? Думали, думали нани, так ничего не могли придумать. А болезни и голод каждый день уносили людей в могилу. Долго ли так жили — не знаю, только совсем мало их стало.

Однажды нани услышали: у бедных людей батур-богатырь появился. Слышат нани: тот батур

¹ Луча-царь — русский царь.

из самых сильных, самых умных бедных людей партию создал. Ветер ли рассказал, птицы ли рассказали — кто знает? Нани слышат: русские за бедных воюют, белого луча-царя прогнали, у богатых богатство отняли — бедным всё роздали.

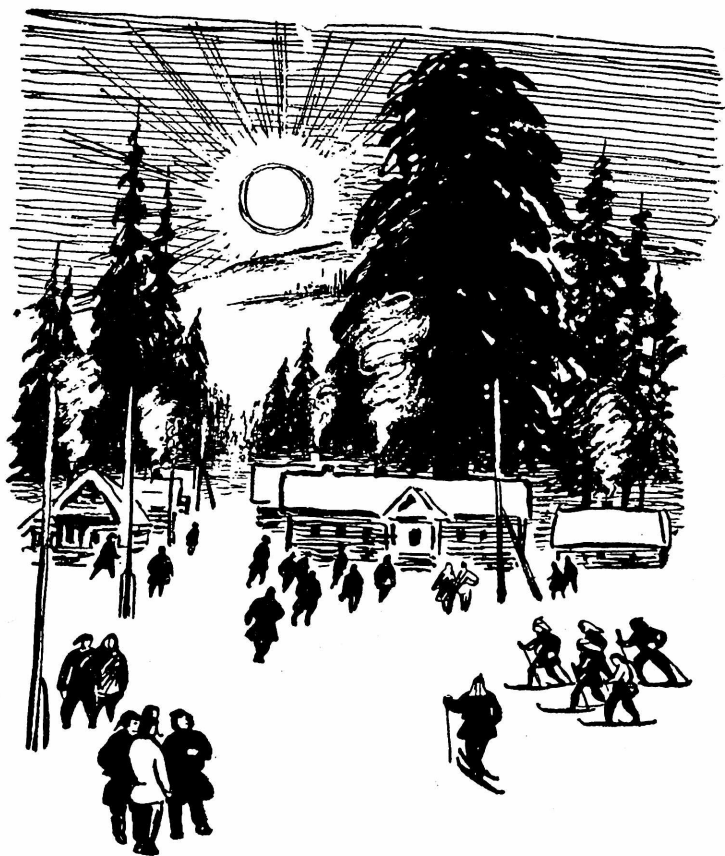
Беликую думу нани задумали: придет ли батур к ним? Однако земля быстро слух разносит. Нани слышали: батур идет. Маньчжу-купцы и нанинские богачи тоже слышали. Они стали пугать нани, что батур их убьет, заберет всё. А нани чего бояться?

А батур уже близко. Видят нани — батур не страшный: ни ружья, ни копья у него нет. Одет как самый простой человек. Идет батур, глаза добрые. Увидел батур нани, улыбнулся.

И улыбнулись горы, улыбнулись деревья, улыбнулся Мангу-Амур. Никогда нани такой улыбки не видели. Они сами улыбнулись. Подошли люди к батуру, а батур им руки жмет, друзьями называет.

Рассказали нани батуру, как они плохо жили, как нанинские богачи и маньчжу-купцы их обижали.

Рассердился батур на нанинских богачей и маньчжу-купцов. Поднял руку и сильно ударил по воздуху. Поднялась буря, какой нани никогда не видели. Подхватила буря нанинских богачей с маньчжу-купцами и выбросила их за девять сопок,

за сорок мáрей. Там они и погибли. Никогда к нани не придут, никогда нани не будут обижать.

Стал батур нани помогать новую жизнь строить. Видит Мангу, видит Пудя: нани им подарки носить перестали. Сердится Мангу — ветры шлет, смеется нани — ветру рад. Сердится Пудя — снегу шлет, смеется нани — снегу рад. Ничего Мангу и Пудя с нани сделать не могут.

Зажили с тех пор нани счастливой жизнью. Песни петь стали, смеяться от радости стали, рыбы много ловить стали, зверя много добывать стали.

Родится у нани сын, родится у нани дочь — именем того батура называет. Рыбы много поймают, пушнины много нани добудут — радуется батур. Родится у нани сын, родится у нани дочь — радуется батур. Видит батур, что нани хорошо живут, улыбается своей доброй улыбкой. И звенят горы, весело шумит тайга. И птицы поют, и деревья зелеными листьями шелестят — новую жизнь восхваляют.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Сирота Манга и красавица Кыси	9
Трехглавый дябда	19
Делобу	24
Чоло Паси	28
Анманга	32
Как шаман Арга Сули опозорился	38
Чоо — шаман одноглазый	42
Ворона и хорь	46
Младшая сестра	49
Как Манга проучил своего брата Хусыгди	54
Догадливая лисица	58
Росомаха-воровка	62
Как нани счастье нашли	65

Алексей Леонтьевич Вальдю
„Сказки народа нани“

Редактор Н. А. Чечулина
Художник Н. И. Костров
Художник-редактор Г. И. Гунькин
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректоры Н. М. Конге и В. П. Иванова

Сдано в набор 5/VI 1961 г. Подписано к печати 11/X 1961 г.
Формат бумаги 70×108^{1/32}. Физ. печ. л. 2,25. Усл. печ. л. 3,08.
Уч.-изд. л. 2,05. Тираж 15 000 экз. М-31724. Заказ № 930.

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57
Цена 6 коп.

Вальдю окончил школу-интернат, хабаровский техникум народов Севера, краевую партийную школу. Сын неграмотных рыбаков стал народным учителем.

В дни Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом встал на защиту своей большой Советской Родины и ульча Алексей Вальдю.

Сейчас он живет в Богородском-на-Амуре. А. Л. Вальдю — заместитель председателя райисполкома и редактор районной газеты.

Сочинение сказок — главное в творчестве писателя.

Веками пластовалось народное творчество, отражая духовную жизнь ульчей, их быт, историю. Благодаря долголетнему благородному труду А. Л. Вальдю искусство ульчей (или нани, как они себя называют) стало близким и понятным русскому человеку.

«Эти сказки, — пишет А. Л. Вальдю, — о прошлой жизни моего маленького народа, в них нани выражают свои мечты о лучшей жизни. И вот их мечты сбылись. И не просто теперь сложить сказку о жизни моего народа. Ведь жизнь полнее и ярче любой сказки».

